

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 98

25 апреля 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев с участием заявителя М. в закрытом заседании посредством видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М.Т. и М. от 21 декабря 2022 года (вх. № ... от 26.12.2022) в отношении адвоката Ж. регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 15 марта 2023 года единогласно вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ж. своих профессиональных обязанностей перед доверителями М.Т. и М. (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившемся в том, что:

– в период времени, по крайней мере, с 19 марта 2021 года и до 16 мая 2022 года адвокат Ж. оказывала доверителям М.Т. и М. юридическую помощь в виде представления интересов М.Т. при обжаловании в апелляционном и кассационном порядках определения П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения, в редакции

определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, вынесенного по гражданскому делу № ..., включая обжалование в апелляционном и кассационном порядках судебных актов об отказе в восстановлении процессуального срока на подачу частной жалобы на вышеуказанное определение об утверждении мирового соглашения, без заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения;

– получив от доверителя М. в период оказания на основании устной договоренности вышеуказанной юридической помощи вознаграждение в общей сумме 1 660 000 рублей, адвокат Ж. не внесла указанные денежные средства в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдала доверителю М. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о нарушении адвокатом Ж. положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 8 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета ФПА РФ от 02 апреля 2020 года (Протокол № 12) (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; не допускается включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом), выразившемся в том, что в период оказания юридической помощи доверителям М.Т. и М. адвокат Ж. достигла с доверителем М.Л. устной договоренности о выплате ей авансом 1 600 000 рублей в качестве обусловленного вознаграждения «гонорара успеха» за достижение положительного для доверителей М.Т. и М. результата оказания юридической помощи – отмену определения П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения, в редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, вынесенного по гражданскому делу № ...;

3) о нарушении адвокатом Ж. положений п. 1, 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившемся в том, что, адвокат Ж. получила от доверителя М. за оказание юридической помощи М.Т. и М. обусловленное вознаграждение («гонорар успеха») в размере 1 600 000 рублей авансом, а после недостижения положительного результата оказания юридической помощи указанным доверителям продолжает удерживать часть вышеуказанного обусловленного вознаграждения («гонорара успеха») в размере 650 000 рублей;

4) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), исполнении адвокатом Ж. своих профессиональных обязанностей перед доверителями М.Т. и М., что выразилось в избрании адвокатом Ж. ненадлежащего средства правовой защиты – в подаче, вопреки положениям ч. 11 ст. 153.10 ГПК РФ, частной жалобы на определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года, в редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, вынесенное по гражданскому делу № ..., с заявлением о восстановлении процессуального срока на ее подачу, а также в последующем обжаловании определения об отказе в удовлетворении заявления о восстановлении срока на подачу указанной частной жалобы в апелляционном и кассационном порядках.

Адвокат Ж., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явилась, письменно ходатайствовала о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, выразила несогласие с заключением Квалификационной комиссии. Считает, что выводы Комиссии относительно наличия у нее денежного долга перед М. неосновательны, поскольку основаны исключительно на версии заявителя. Никаких денежных средств от заявителя М., кроме оплаты за ознакомление с документами и подготовку заключения по ним, она не получала. Договариваться о выплате «гонорара успеха» не могла, так как обжалуемое определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года отменено не было. Не исключает, что недостаточно полно изучила вопрос процессуального обжалования определения суда об утверждении мирового соглашения. Однако приняла такое решение в связи с тем, что П. районным судом города Москвы в 2015 году исковые требования Банка были приняты к рассмотрению с нарушением правил подсудности (вх. № ... от 24.04.2023).

Заявитель М.Т., уведомленная надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела и своевременно получившая заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась.

Принимая во внимание эти обстоятельства, а также с учетом требований пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Заявитель М. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился. Дополнительно пояснил, что аудиозапись подтверждается получение Ж. всех денежных средств. Это же

подтверждается и фактом частичного возвращения ею полученных денежных средств. В последний раз она отдала 300 тысяч рублей из 1 600 000 рублей и остается должна 650 000 рублей, обязательство по возврату которых неоднократно подтверждала, обещая отдать их в течение нескольких дней. Он верил, что в случае недостижения положительного результата в суде деньги она вернет, и совсем не ожидал таких поступков от адвоката. Из-за действий адвоката Ж. они потеряли два года, а квартиру продали с торгов. После всего этого он понял, что адвокат Ж. его обманывала, иски подавала неправильно и только тянула из них деньги. По этой причине они были вынуждены обратиться к другим специалистам. На настоящий момент их нарушенные права не восстановлены. Считает, что Ж. надо прекратить статус адвоката, так как она обманывает людей.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства и заключение Квалификационной комиссии, выслушав заявителя М., Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить ее выводы о квалификации действий адвоката Ж.

Квалификационной комиссией установлено, что в ходе производства по гражданскому делу № ... определением П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года в редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года (далее – Определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года), утверждено мировое соглашение от 08 сентября 2015 года, заключенное между АКБ «П.» (ПАО), М. и М.Т.

11 февраля 2021 года от М.Т. в экспедицию П. районного суда города Москвы поступила частная жалоба на определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения с ходатайством о восстановлении срока для ее подачи.

Комиссией также установлено, что 19 марта 2021 года адвокат Ж. составила письменное заключение по правовым вопросам. Как следует из вводной части данного заключения, оно составлено в соответствии с Соглашением об оказании юридической помощи гражданину М.

Определением П. районного суда города Москвы от 11 мая 2021 года отказано в удовлетворении заявления о восстановлении срока на подачу частной жалобы на определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года. На указанное определение П. районного суда города Москвы от 11 мая 2021 года ответчиком М.Т. подана частная жалоба в судебную коллегия по гражданским делам Московского городского суда.

Апелляционным определением Московского городского суда от 28 июля 2021 года определение П. районного суда города Москвы от 11 мая 2021 года оставлено без изменения, а частная жалоба ответчика М.Т. с дополнением – без удовлетворения.

22 октября 2021 года во Второй кассационный суд общей юрисдикции поступила кассационная жалоба М.Т. на определение П. районного суда города Москвы от 11 мая 2021 года и апелляционное определение

Московского городского суда от 28 июля 2021 года, вынесенные по гражданскому делу №

По результатам рассмотрения кассационной жалобы М.Т. определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 года отменены определение П. районного суда города Москвы от 11 мая 2021 года и апелляционное определение Московского городского суда от 28 июля 2021 года по тому основанию, что нормы ГПК РФ не содержат указания на возможность обжалования определения суда об утверждении мирового соглашения в апелляционном порядке.

13 мая 2022 года во Второй кассационный суд общей юрисдикции поступили кассационная жалоба М.Т. на определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года, а также заявление о восстановлении срока на ее подачу, подписанные адвокатом Ж. на основании выданной ей М.Т. доверенности. 16 мая 2022 года судьей Второго кассационного суда общей юрисдикции вынесено определение о возвращении жалобы без рассмотрения по существу по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 379.1 ГПК РФ.

В отношении адвоката Ж. заявителями М.Т. и М. выдвинут ряд дисциплинарных обвинений, в том числе в неисполнении профессиональных обязанностей по формализации отношений с доверителями.

Давая оценку этому дисциплинарному обвинению, Совет отмечает следующее.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Совет в своих решениях, а Квалификационная комиссия – в своих заключениях ранее неоднократно отмечали, что надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его

вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, включая оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет ему защиту данных прав и охраняемых законом интересов.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат Ж. оказывала юридическую помощь заявителям М.Л. и М. без заключения соглашения об оказании юридической помощи в письменной форме, а лишь на основании устной договоренности, достигнутой с М. Данное обстоятельство не отрицается и самой адвокатом Ж., которая признала, что действовала по устному соглашению с М.

Совет признает установленным, что получателями юридической помощи по данному устному соглашению об оказании юридической помощи являлись как М., так и М.Т., поскольку оба указанных заявителя являлись участниками гражданско-правового спора с АКБ «П.» (ПАО) о взыскании задолженности и обращении взыскания на заложенное имущество – квартиру, а также сторонами мирового соглашения от 08 сентября 2015 года, утвержденного определением П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года. Кроме того, в соответствии с письменным заключением по правовым вопросам, составленным адвокатом Ж. 19 марта 2021 года, указанный гражданско-правовой спор возник в связи с заключением М. кредитного договора от 04 октября 2013 года с ЗАО АКБ «П.» и последующим неисполнением М. обязательств по нему. Таким образом, обжалование определения П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения затрагивало права обоих заявителей.

Довод адвоката Ж. о том, что в ходе оказания юридической помощи она должна была лишь составить проекты частной жалобы и заявления о восстановлении процессуального срока, Совет отклоняет, поскольку он опровергается фактом выдачи ей М.Т. доверенности от 04 июня 2021 года № ..., предусматривающей, в числе прочего, полномочия по представлению интересов доверителя во всех судебных органах, подписание и подачу необходимых заявлений, выступление в суде от имени доверителя, обжалование решений, определений, постановлений судов всех инстанций, представление интересов в апелляционной, кассационной инстанциях с правом подачи необходимых заявлений и ходатайств, а также признанием адвокатом Ж. факта подготовки и подачи данных процессуальных документов.

Именно действуя на основании указанной доверенности, адвокат Ж. подписала кассационную жалобу и заявление о восстановлении процессуального срока на ее подачу, поданные во Второй кассационный суд общей юрисдикции не позднее 13 мая 2022 года.

Кроме того, представление интересов М. адвокатом Ж. на основании выданной ей доверенности подтверждается указанием на адвоката Ж. как на представителя заявителя М.Т. в сведениях о производстве во Втором кассационном суде общей юрисдикции по гражданскому делу № ..., опубликованных на официальном портале ГАС «Правосудие».

Учитывая достоверно установленные Квалификационной комиссией обстоятельства, подтверждающие, что адвокат Ж. на основании устной договоренности с М. приняла поручение на оказание юридической помощи М.Т. и М., а затем фактически оказывала ее, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ж. в данной части опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного проступка – доказанной.

Заявителями М.Т. и М. также выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Ж. получила за оказание юридической помощи вознаграждение в общем размере 1 660 000 рублей без внесения денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдала доверителю М. финансовый документ, подтверждающий получение вознаграждения.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Материалами дисциплинарного производства: аудиозаписью, ее расшифровкой и смс-перепиской, тщательно изученными Квалификационной комиссией и подробно проанализированными в ее заключении, подтверждается, что за оказание юридической помощи М. было выплачено не только 10 000 рублей, оплату которых адвокат Ж. признает, но и дополнительное вознаграждение, а также подтверждается, что оплаченное вознаграждение адвокатом Ж. было частично возвращено М. в связи с претензиями доверителей к адвокату Ж. в ненадлежащем оказании юридической помощи и недостижением ожидаемых результатов.

Утверждение адвоката Ж. о том, что за оказание юридической помощи она получила лишь 10 000 рублей, Советом расцениваются как защитительная позиция, направленная на избежание ответственности и необходимости полного возврата полученного вознаграждения. Вопреки возражениям адвоката Ж., этот ее голословный довод опровергнут материалами дисциплинарного производства.

Вместе с тем, Совет отмечает, что адвокат Ж. не выразила никакой позиции относительно содержания аудиозаписи ее разговоров с доверителями,

не подтвердила и не опровергла достоверность ее содержания, при этом уклонилась от ознакомления с ней в ходе дисциплинарного разбирательства. Такая защитительная позиция адвоката Ж., как верно указала Квалификационная комиссия, не порождает сомнений в достоверности аудиозаписи и смс-переписки, которые дополняют одна другую как по смыслу, так и хронологически.

При таких обстоятельствах, в том числе с учетом подробно проанализированной и приведенной в заключении Квалификационной комиссии непоследовательной позиции адвоката Ж. относительно выдвинутых в отношении нее дисциплинарных обвинений, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ж. и в этой части опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного проступка, выразившегося в получении от доверителя М. в период оказания на основании устной договоренности вышеуказанной юридической помощи вознаграждения в общей сумме 1 660 000 рублей, невнесении указанных денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также в невыдаче доверителю М. финансового документа по проведению операции с его денежными средствами, – установленной.

Давая оценку остальным выдвинутым дисциплинарным обвинениям, Совет, прежде всего, подчеркивает, что Кодекс профессиональной этики адвоката определяет как этические правила поведения адвоката непосредственно в процессе осуществления профессиональной деятельности, то есть при оказании юридической помощи по принятым поручениям доверителей, так и общие правила поведения адвоката, которыми он должен руководствоваться во всех случаях и обстоятельствах, в отношениях с доверителем и при общении с ним, а также за рамками такого общения.

Так, адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса). Злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката (п. 3 ст. 5 Кодекса).

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения в отношении адвоката Ж. в том, что она достигла с заявителем М. устной договоренности о выплате ей авансом денежных средств в размере 1 000 000 рублей и 600 000 рублей в качестве вознаграждения, обусловленного наступлением положительного для доверителей М.Т. и М. результата оказания юридической помощи, то есть «гонорара успеха», Совет отмечает следующее.

Доводы заявителей М. и М.Т. о том, что указанные денежные средства являлись именно «гонораром успеха», подтверждаются тем, что после наступления неблагоприятного для них результата оказания юридической помощи адвокат Ж. стала возвращать указанное вознаграждение частями, не оспаривая в ходе состоявшейся у нее с М. 12 октября 2022 года встречи наличие у нее остатка задолженности перед ним в размере 650 000 рублей.

Как правильно указала в своем заключении Квалификационная комиссия, в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи все разногласия, сомнения и противоречия трактуются в пользу

доверителя, а ответственность как за ненадлежащее оформление отношений с доверителем, так и за оказание ему квалифицированной юридической помощи лежит на адвокате как на профессиональном участнике этих правоотношений.

Применяя данный подход к разрешению настоящего дисциплинарного производства, учитывая подтвердившийся в результате дисциплинарного разбирательства довод заявителей М.Т. и М. о том, что денежные средства в размере 1 600 000 рублей были выплачены адвокату Ж. в связи с ее обещанием возвратить указанные денежные средства в случае, если не будет отменено определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения по гражданскому делу № ..., Квалификационная комиссия обоснованно признала установленным, что 1 600 000 рублей адвокат Ж. получила по устной договоренности с доверителем М. в качестве «гонорара успеха» авансом.

При таких, достоверно установленных в ходе дисциплинарного производства, обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Ж. указанными действиями положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 8 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 02 апреля 2020 года (Протокол № 12). Указанными Правилами установлен прямой запрет получения «гонорара успеха» авансом.

Поскольку выплата М. вознаграждения в размере 1 600 000 рублей была обусловлена достижением положительного для него и М.Т. результата оказания юридической помощи, в случае его недостижения указанная сумма не могла рассматриваться как отработанное адвокатом Ж. вознаграждение.

В связи с этим удержание адвокатом Ж. части полученного в нарушение норм профессиональной этики авансом обусловленного вознаграждения в размере 650 000 рублей не может рассматриваться лишь как спор о стоимости оказанной адвокатом юридической помощи и условиях ее получения адвокатом.

Из жалобы заявителей М.Т. и М. следует, что денежные средства в качестве «гонорара успеха» передавались ими адвокату Ж. авансом исключительно в надежде на ее порядочность, поскольку им ее порекомендовали, и заявители М.Т. и М. полностью доверились ее обещаниям.

Установленные обстоятельства получения адвокатом Ж. обусловленного результатом оказания юридической помощи вознаграждения авансом на основании устной договоренности, а также последующего удержания его части в размере 650 000 рублей Совет оценивает как действия, направленные к подрыву доверия к адвокату Ж. и злоупотребление ею доверием заявителей М.Т. и М., поскольку передача ей указанной денежной суммы в размере 1 600 000 рублей в качестве гонорара успеха стала возможна именно в связи с ожиданием достижения указанными доверителями наступления

положительного результата оказания адвокатом Ж. юридической помощи либо полного возврата указанной суммы обусловленного вознаграждения в случае недостижения такого результата.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что описанное выше поведение адвоката Ж. не может быть признано честным и достойным, порождает недоверие к ней как к адвокату. Ж. фактически использовала сформировавшееся к ней как к адвокату доверие для получения в нарушение норм профессиональной этики обусловленного вознаграждения («гонорара успеха») в размере 1 600 000 рублей авансом, то есть злоупотребила доверием заявителей.

Более того, после неудачной попытки обжалования определения П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения адвокат Ж. уклонилась от возвращения части указанного вознаграждения в размере 650 000 рублей, что привело к подрыву доверия заявителей к адвокату Ж.

По этой причине Совет признает указанные действия адвоката Ж. нарушающими также и положения п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку совершенные ею деяния направлены к подрыву доверия к ней доверителей М.Т. и М., которым она злоупотребила.

По этой причине Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ж. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении дисциплинарного проступка – доказанной.

При этом Совет полагает, что все описанные действия адвоката Ж.: достижение с доверителем М. устной договоренности о выплате ей авансом 1 600 000 рублей в качестве «гонорара успеха», получение этих денежных средств авансом и их последующее частичное удержание при недостижении обусловленного результата – образуют единое дисциплинарное нарушение, поскольку они охватываются единым умыслом и являются этапами его реализации. По этой причине квалификация различных этапов этих действий адвоката Ж. как самостоятельных нарушений является избыточной и означала бы двойную дисциплинарную ответственность за одно и то же нарушение.

Кроме того, Совет исключает из квалификации этого нарушения ссылку на п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку данная норма устанавливает общие (универсальные) принципы и условия формирования доверия к адвокату. По этой причине она, в отличие от пунктов 2 и 3 той же статьи, не может быть нарушена действиями адвоката.

Помимо этого, заявителями выдвинуто в отношении адвоката Ж. дисциплинарное обвинение в оказании неквалифицированной юридической помощи.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Ж. подготовила заключение от 19 марта 2021 года, в котором, в числе прочего, указала: «Оспаривание определения П. районного суда города Москвы об утверждении заключенного 08 сентября 2015 года Мирового соглашения между АКБ «П.» (ПАО) и М. и М. Т. является единственной возможностью представить доказательства о необоснованности обращения взыскания на

заложенную квартиру»; «Явка М.Т. в судебное заседание П. районного суда города Москвы при рассмотрении ходатайства о восстановлении процессуального срока и в судебное заседание Апелляционной инстанции Московского городского суда является обязательной».

Между тем, порядок обжалования определения об утверждении мирового соглашения установлен ч. 11 ст. 153.10 ГПК РФ, согласно которой определение об утверждении мирового соглашения может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного месяца со дня вынесения такого определения.

Вопреки этому требованию гражданского процессуального закона, адвокат Ж. при выборе средства правовой защиты исходила из ошибочной позиции о том, что определение об утверждении мирового соглашения подлежит обжалованию в апелляционном порядке.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что избранное адвокатом Ж. при оказании юридической помощи М.Т. и М. средство правовой защиты ни при каких обстоятельствах не могло привести к положительному для доверителей результату оказания юридической помощи, что и подтвердило вынесенное Вторым кассационным судом общей юрисдикции 30 ноября 2021 года определение, в котором было указано, что «у суда первой инстанции не имелось оснований для рассмотрения ходатайства М.Т. о восстановлении срока на подачу частной жалобы на определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года, в редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, об утверждении мирового соглашения, так как оно не может быть обжаловано в апелляционном порядке».

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ж. в данной части дисциплинарных обвинений опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного проступка – доказанной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ж. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их умышленный и злостный характер, демонстрирующий очевидное пренебрежение адвокатом Ж. правами и законными интересами доверителей М.Т. и М., а также требованиями законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. Совершенные адвокатом Ж. нарушения связаны со злоупотреблением доверием и привели к подрыву этого доверия у доверителей к ней как к адвокату. В соответствии с п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката.

Демонстративное игнорирование адвокатом Ж. основополагающих начал осуществления профессиональной деятельности свидетельствует об отсутствии у нее необходимых для осуществления адвокатской деятельности профессиональных и этических качеств.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Ж. с

принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет признает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество считает подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката, неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Ж. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушения и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о ее личности и профессиональной деятельности, считает необходимым установить этот срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4-5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ж. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителями М.Т. и М. (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической

помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившееся в том, что:

– в период, по крайней мере, с 19 марта 2021 года и до 16 мая 2022 года адвокат Ж. оказывала доверителям М.Т. и М. юридическую помощь в виде представления интересов М.Т. при обжаловании в апелляционном и кассационном порядках определения П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения, в редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, вынесенного по гражданскому делу № ..., включая обжалование в апелляционном и кассационном порядках судебных актов об отказе в восстановлении процессуального срока на подачу частной жалобы на вышеуказанное определение об утверждении мирового соглашения, без заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения;

– получив от доверителя М. в период оказания на основании устной договоренности вышеуказанной юридической помощи вознаграждение в общей сумме 1 660 000 рублей, адвокат Ж. не внесла указанные денежные средства в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдала доверителю М. финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 и п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 8 Правил включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденных Решением Совета ФПА РФ от 02 апреля 2020 года, Протокол № 12 (адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции; не допускается включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом); п. 2, 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), выразившееся в том, что в период оказания юридической помощи доверителям М.Т. и М. адвокат Ж. достигла с доверителем М.Л. устной договоренности о выплате ей авансом 1 600 000 рублей в качестве обусловленного вознаграждения («гонорара успеха») за достижение положительного для доверителей М.Т. и М. результата оказания юридической помощи – отмену определения П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года об утверждении мирового соглашения, в

редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, вынесенного по гражданскому делу № ..., получила от доверителя М. за оказание юридической помощи М.Т. и М. обусловленное вознаграждение («гонорар успеха») в размере 1 600 000 рублей авансом, а после недостижения положительного результата оказания юридической помощи указанным доверителям продолжает удерживать часть вышеуказанного обусловленного вознаграждения («гонорара успеха») в размере 650 000 рублей;

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителями М.Т. и М., что выразилось в избрании адвокатом Ж. ненадлежащего средства правовой защиты – в подаче, вопреки положениям ч. 11 ст. 153.10 ГПК РФ, частной жалобы на определение П. районного суда города Москвы от 08 сентября 2015 года, в редакции определения об исправлении описки от 22 октября 2015 года, вынесенное по гражданскому делу № ..., с заявлением о восстановлении процессуального срока на ее подачу, а также в последующем обжаловании определения об отказе в удовлетворении заявления о восстановлении срока на подачу указанной частной жалобы в апелляционном и кассационном порядках.

Установить в отношении Ж. срок, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 2 (два) года.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков